

Илия Кочерина

Идиетка

Часть сборника
У нас будет ребёнок! (сборник)

Илия Кочерина

Идиетка

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кочерина И.

Идиетка / И. Кочерина — «Эксмо», 2016

«Я выхаживаю ребенка. Хожу, хожу, хожу. В любую погоду. Вернее, ходим, ходим, ходим. Точка отсчета всегда Пушкин, который смотрит на меня и незаметно кивает, мол, шагай – и указывает, куда идти. Он-то толк в дорогах знал. Сегодня – вперед, по Тверскому бульвару, свернуть за Пушкинский театр, заглянуть в бело-серую, колокольную церковь Иоанна Богослова, покачаться на заснеженных качелях во дворе дома на Бронной, где в мае сирень сыпет тебе на волосы свои лиловые крестики-звездочки, через проулки выбраться к замерзшим Патриаршим прудам, и далее круг за кругом против часовой стрелки, все, как сказал доктор Борис Семенович, потрогав мой тридцатинедельный живот...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кочерина И., 2016
© Эксмо, 2016

Илия Кочерина

Идиетка

Я выхаживаю ребенка. Хожу, хожу, хожу. В любую погоду. Вернее, ходим, ходим, ходим. Точка отсчета всегда Пушкин, который смотрит на меня и незаметно кивает, мол, шагай – и указывает, куда идти. Он-то толк в дорогах знал.

Сегодня – вперед, по Тверскому бульвару, свернуть за Пушкинский театр, заглянуть в бело-серую, колокольную церковь Иоанна Богослова, покачаться на заснеженных качелях во дворе дома на Бронной, где в мае сирень сыпет тебе на волосы свои лиловые крестики-звездочки, через проулки выбраться к замерзшим Патриаршим прудам, и далее круг за кругом против часовой стрелки, все, как сказал доктор Борис Семенович, потрогав мой тридцатинедельный живот.

Доктор Борис Семенович сначала долго смотрел на меня, просил пройти по коридору туда и обратно. Потом доктор Борис Семенович снял серый пиджак и очки в тонкой золотой оправе. И погладил мой живот. Засучил рукава белоснежной рубашки, убрал часы с запястья и постучал по животу, как будто просил разрешения открыть дверь, – живот шевельнулся. И тогда доктор Борис Семенович сказал:

– У тебя девочка. Мелкая.

Без всякого УЗИ я знала, что девчонка, с того момента, когда она была размером с яблочное семечко и даже раньше. Будет она маленькой, гибкой и крепкой, скуластой и широкоглазой. И волосы – тяжелые, с рыжим блеском – по плечам. Неутомимая в проказах и играх, бесстрашная в любых затеях. Видела ее руку, крохотную и сильную, – все удержит, и мяч, и меч. И улыбку видела – из тех, за которые раньше царства под ноги швыряли, только вот зубки передние чуть вкривь и вперед, как у белки. Упрямая, свободная и счастливая.

А потом доктор Борис Семенович спросил:

– А как ты собираешься ее рожать?

– Как обычно, – ответила я.

– Сама?

– Сама.

Тогда доктор Борис Семенович расстегнул верхнюю пуговицу на вороте своей белоснежной рубашки, а потом вторую. И я стала смотреть на его золотой крестик и цепочку с большими плоскими звеньями.

– Что-то не так? – спросила я аккуратно.

– А что – так? – заорал доктор Борис Семенович. – В этом возрасте и с таким тазом! Идиетка! Ты на таз свой посмотри, на бедра! Сама она родит! Как же! – иронизировал Борис Семенович и серьезно добавил: – Конечно, сама. А как же. Куда ж ты денешься, идиетка.

Только ходить надо, много, долго, по улицам, паркам, набережным, лестницам, холмам и прочим пространствам. При любой погоде, утром, днем и вечером, а если научусь спать на ходу, то и ночью. Чтобы рыбка моя серебристая улеглась правильно, в то самое единственное возможное положение.

– Да я и так – с работы, на работу... Хожу...

– Тебе гулять надо, а не работать. Ты какого числа в декрет? – доктор Борис Семенович любил точность и пунктуальность.

– Да, наверное, так сразу не получится... Сейчас же елки... кто меня отпустит?..

– А без тебя новый год не настанет? Самая незаменимая, да?

Я представила себе хмурый взгляд своего начальника Сергея Сергеевича и по-овечьи испуганно затрясла головой.

– Понятно, – перерубил разговор Борис Семенович. – А рожать-то с мужем будешь?

– Ну... – я неопределенно взмахнула руками, как будто я – царевна Лебедь и собираюсь превратить Бориса Семеновича в комара. Доктор немного поежился, но уменьшаться не стал. Смотрел пытливо и ждал ответа.

– Не думаю, что он захочет...

– А на хрена он тебе нужен такой?

Доктор смотрел на меня с огромным научным интересом. Он любил четкие формулировки – в отличие от моих родственников и друзей, которые тоже хотели бы задать этот вопрос, но не знали, с чего начать.

– И вообще он не муж... И вообще он не знает, – заблела я.

– Понятно... – протянул Борис Семенович. – Сама-сама? А что сама? – упрямая, свободная и счастливая, да? Я ж говорю – идиетка.

Я решила себя пожалеть и заплакать, но стало совсем мутно. Девчонка в знак протеста задрогала ногами так, что еще немного – и ее пятку можно будет увидеть, заглянув мне в рот.

Я плотно сжала губы и ушла.

Упрямая? – конечно. Свободная? – еще бы. Что хочу, то и делаю. Вот иду своей самой легкой из нынешних походок. Живот – как воздушный шар: еще один вздох – и полечу вместе с ним сквозь белесые низкие тучи, нагруженные снегом, вверх, туда, где солнце и ярко-синее небо, и самолеты летят на юг. И я полечу вслед за ними и окажусь в маленьком городке на берегу моря, прямо на пустой набережной, отдыхающей от летнего шума. Мы приехали сюда с Женькой в марте – переживать наши разводы: я рассталась с Андреем, проиграв по всем фронтам своей хитроумной свекрови, а Женя был покинут белокурой Вероничкой, упорхнувшей к решительному Гарику, собиравшемуся вечно носить ее на руках. Мы испробовали все обычные методы утешения – я плакалась подругам, выслушивая в ответ что-то на тему «все мужики – козлы», а Женька ходил пить пиво с друзьями, рассказывавшими про все бабские низости и подлости. Чтобы развлечь себя, я купила кольцо с сапфиром, а Женя поменял машину, но с каждым днем дышать становилось все тяжелее. И тогда мы решили уехать хотя бы на несколько дней. После московской слякоти мы слепли от яркого света и пронзительного ветра, выдувавшего все лишние мысли. Мы бродили по узким улочкам, поднимались на стены средневековой крепости, выходили к морю кормить белых лебедей, возвращались домой, как будто опьяневшие от воздуха и свободы, и вели бесконечные разговоры о наших бывших – и о себе. Наслаждались пониманием. Тем, что можно говорить прямо, выворачивая себя наизнанку, не рисуя себя героем или жертвой. Говорить все чаще «мы». Мы – другие, легкие, открытые – и неправильные, по мнению Андрея и Веронички. Вот у них-то все по полочкам расставлено и разложено, шаг в сторону – обида, любая перемена – трагедия. А вот мы... И мы жались друг к другу, как в детстве, когда начиналась гроза, а родители еще не вернулись с работы, и я прибегала к Женьке – с моего двенадцатого этажа на его седьмой. И мы сидели, обнявшись, в темной комнате и слушали дождь и удары грома.

И вот вечером, накануне нашего возвращения в Москву, мы почувствовали, что выбрались из-под завалов. Андрей и Вероничка ушли в прошлое. Все стало просто и понятно. Мы хохотали, дрались подушками, дурачились, а потом вдруг начали целоваться, неловко стучась носами, как подростки. Как мы с Женькой – только двенадцать лет назад после выпускного. Я так же, как тогда, потрогала его затылок – жесткие волосы пружинили под пальцами. Коснулась шеи, раздвинув мохнатый ворот серого свитера. Двенадцать лет назад я зачем-то зажмурилась, а сейчас мне хотелось все видеть. Как меняется Женькино лицо, глаза становятся узкими и хищными, приподнимается верхняя губа – как у волка перед прыжком. Мы касаемся друг друга, вспоминаем, узнаем заново, торопимся. И я шепчу ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.